

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Страсть и смерть

Ким работала в компании уже много лет и была отличным специалистом — менеджером проектов. Все директора фабрик — а она работала с 4 заводами — хотели заполучить её на свои крупные проекты (запуски новых технологических линий, модернизацию оборудования и т. ) Внезапно их компанию купил один большой концерн. Головная компания сделала аудит заводов и осталась очень недовольной одной из фабрик, находящейся в маленьком городке на юге Голландии. Действительно, эффективность фабрики была низкой, а себестоимость продукции — очень высокой. Головная компания дала указание — бросить все лучшие ресурсы на повышение эффективности этой фабрики. И Ким назначили координировать все большие проекты по повышению эффективности. Предполагалось, что она останется жить и работать в Амстердаме, но будет половину времени проводить на том заводе.

Она не была на той фабрике уже 2 года. Она приехала рано, и всё утро была на совещании с новым начальником производства. Его звали Марникс и он только недавно был переведен с другого завода, принадлежащего головной компании. Он был очень самоуверенным и сильным менеджером. На совещании Ким казалось, что Марникс задерживает на ней взгляды немного дольше, чем было необходимо, и это смущало, но приятно радовало её. Как ни крути — она была деловой женщиной, но всё-таки женщиной. После совещания они пошли на ланч. Когда она подходила к кассе, её вдруг окликнул другой мужчина: «Здравствуй, Ким». Она обернулась — перед ней стоял красивый молодой мужчина, но она не узнала его в лицо. Осторожно скользнув взглядом на бедж на его груди, она улыбнулась — ну конечно, это же Гвидо, главный инженер фабрики, как она могла не узнать? Он был одет в униформу — белоснежные брюки и футболку с коротким рукавом, перед собой он держал поднос и она заметила, как играли его мощные накачанные бицепсы. Как интересно — она встречалась с ним однажды 2 года назад, тогда он еще не был главным инженером, но совершенно не обратила на него внимания как на мужчину, а сейчас она признала, что он очень красив и невероятно сексуален.

Она сидела за столиком с Марниксом, и в конце ланча он сказал: «Ким, мне было очень приятно с тобой познакомиться. Можно, я приглашу тебя на бокал вина? Я не могу это сделать сегодня — у нас запуск новой технологической линии и мне придется находиться здесь до ночи, но я бы хотел пригласить тебя завтра после работы». Ким было приятно, что он пригласил её, и она с радостью согласилась. Договорились, что он заберет ее в 6 часов вечера у главного входа.

Когда она выходила из столовой, её опять окликнул Гвидо. «Ким, я слышал, тебя назначили координировать наши проекты. Я бы хотел устроить с тобой совещание и обсудить новые директивы головной компании — сегодня я не могу из-за запуска новой линии, так что давай устроим совещание завтра».

Совещание было назначено на 5 вечера. Но что-то сломалось на производстве, и он вернулся к своему столу только в 6 часов.

— Ким, я приношу извинения — была срочно нужна моя помощь. Мы можем поговорить завтра?

— Нет, к сожалению завтра рано утром я уже уезжаю — мне нужно на совещание в главный офис. Но если у тебя есть время, мы можем задержаться и всё-таки поговорить.

Внезапно у неё зазвонил телефон — Марникс ждал её.

— Марникс, я очень сожалею, но не смогу пойти с тобой — у меня совещание с Гвидо, он задержался на производстве, а нам обязательно нужно поговорить. Но все равно большое спасибо за приглашение.

Гвидо удивлённо посмотрел на неё.

— Из-за совещания со мной ты отказалось от ужина с Марниксом?

— Ничего старшего, бизнес важнее, — она действительно хотела верить, что бизнес важнее, боясь себе признаться, что на самом деле разговор с Гвидо для неё важнее.

Они рассмотрели документацию по основным проектам, и она стала объяснять ему, как головная компания по-новому утверждает бюджет.

Они сидели за одним столом и оба смотрели в компьютеры и их предплечья лежали на столе. Внезапно Гвидо слегка подвинул свою руку, как будто нечаянно, и его предплечье коснулось её руки. Ну конечно, Ким это почувствовала, но сделала вид, что не замечает и не отодвинула своей руки. От Гвидо слегка пахло каким-то вкусным одеколоном. Его сильные ладони были очень ухожены — что бывает нечасто у инженеров, работающих на производстве. Она с ужасом гнала от себя эту мысль, но почувствовала, что хочет этого мужчину.

После беседы Гвидо тепло поблагодарил её. Было уже 8 часов вечера.

— Послушай, Ким — я задержал тебя, из-за меня ты не пошла с Марниксом — я должен тебе как минимум шикарный ужин. Можно тебя пригласить?

— Гвидо, не сегодня. Мне нужно лечь спать не поздно — завтра я должна встать в 4 утра. Но когда я буду здесь в следующий раз, я с удовольствием приму твоё приглашение — если оно ещё останется в силе.

— Ну конечно! Можно, я тогда хотя бы подвезу тебя до отеля?

Они ехали по тёмной дороге. Она вдыхала запах его одеколона и пыталась унять учатившееся дыхание, чтобы он не услышал. Она ничего не могла с собой поделать — она была уже сильно возбуждена и очень хотела его. Её возбуждённый клитор тёрся о тугие трусики-стринги. Гвидо остановился перед отелем, посмотрел на неё и улыбнулся. Она просто хотела поблагодарить его и пожелать ему спокойной ночи. Но посмотрев ему в глаза, слова замерли на языке и она не могла оторвать от него взгляда. Волна безумного желания захлестнула её; она видела, что он тоже хочет её и знала, что он тоже видит её желание. Они смотрели друг на друга и всё понимали, но ни один из них не решался сделать первый шаг. Наконец он протянул руку и взял её ладонь. Он слегка сжал её, поглаживая, и её ладонь тоже стала двигаться в его руке, пока их пальцы не переплелись.

— Ты хочешь, чтобы я остался с тобой сегодня ночью? — прошептал он.

Она только смогла кивнуть головой... Они поднялись к ней в номер, достали из минибара бутылку вина и выпили по бокалу. От вина на голодный желудок голова закружилась у обоих. Ким оперлась спиной о стену. Он подошёл к ней и с огромной нежностью коснулся губами и языком её губ. Боже, его губы были такие мягкие, как шёлк, у неё еще никогда не было таких поцелуев. У неё было много мимолётных романов, и в начале отношений мужчины обычно страстно впивались в её губы и пихали ей в рот свой язык. Она ненавидела эти «французские поцелуи». Гвидо скользнул губами вниз по шее и стал расстёгивать её блузку. Когда предстали его взгляду её груди, сильно сжатые и приподнятые бра, он просунул руки ей за спину, расстегнул и снял бюстгалтер и нежно коснулся языком её сильно эрогированных сосков, что вызвало дрожь в её теле и сладкий стон. Ким расстегнула и сняла с него рубашку и

обняла его, с наслаждением глядя перекатывающиеся бугры мышц под гладкой кожей. Невероятно — прикосновения его больших накачанных рук были такими аккуратными и нежными, как маленьких ручек ребенка. Он подхватил её на руки, отнёс на постель и медленно раздел, глядя ей в глаза — к этому времени на ней оставались только плиссированная юбка, ажурные колготки, туфли на каблуках и теперь уже совсем мокрые трусики — стинги; потом он скинул брюки. У него была восхитительная фигура, килограммов 90 мускулов без единого грамма жира. Ким развела колени ему навстречу, его рука скользнула между ними и палец стал ласкать клитор. Опять же, он всё делал так аккуратно и нежно, он только едва-едва прикасался к ней очень медленными круговыми движениями — но это возбуждало её гораздо больше, чем сильный напор самого мощного из её вибраторов. Одновременно он наклонился и легонько прикасался языком и губами к её соскам. Клитор просто разрывался от возбуждения и она почти сразу кончила. Её оргазм был тоже очень нежным — она не тряслась от конвульсий, просто её тело с головы до ног залила горячая волна невероятного блаженства. Она развела колени ещё шире и притянула его к себе. — Мне можно кончить в тебя или я должен вынуть? — спросил он

— Я пью таблетки, — ответила Ким, и сладостная волна пробежалась по его телу от предвкушения того, что ему будет можно кончить ей внутрь.

Он вошёл в неё. У него был крупный член, но он вводил его не полностью и двигал им так медленно и сладострастно — он не долбил, а нежнейше ласкал её влагалище. Она никогда не испытывала возбуждения от стимуляции влагалища и могла кончить только при раздражении клитора; и вот теперь, первый раз в жизни, она почувствовала, как её влагалище возбудилось и затрепетало от его нежных движений, и поняла, что сегодня наконец-то она познает сладость влагалищного оргазма. Постанывая, она обхватила его ногами, её таз стал двигаться ему навстречу, прося войти глубже. Она притянула его ближе к себе, чтобы можно было тереться сосками о его грудь. Одну руку она запустила в его густые мягкие волосы, а другой нежно гладила его мощную спину. Оргазм накрыл их одновременно. Его член невольно стал двигаться быстрее и глубже, напрягся и стал твёрдым как камень, и он выстрелил в неё горячим фонтаном спермы. Когда она почувствовала напор этой сильной струи, её тело содрогнулась и её накрыла вторая волна невероятного блаженства. Сокращения её влагалища как бы нежно «целовали» его член в благодарность за доставленное удовольствие.

Они в изнеможении лежали, прижавшись друг к другу. Гвидо нежно поцеловал её закрытые глаза. Она взяла его руку, и прижалась губами к его ладони.

— Мне никогда, никогда и ни с кем не было так хорошо, — прошептала она.

Гвидо припал поцелуем к её шее и прошептал:

— И мне тоже... Ким, давай будем вместе.

И её губы ответили ему «да».

Теперь на выходных он приезжал к ней в Амстердам, а когда она приезжала в командировки на фабрику — она жила в его доме.

Во время командировок она заметила, что между Гвидо и Марниксом существует жёсткая конкуренция, практически вражда. Оба были очень амбициозными менеджерами с большой перспективой, оба были «вторыми» людьми после директора и оба метили на эту позицию. Но теперь эта конкуренция усугубилась — потому что Марникс тоже претендовал на Ким. Он постоянно водил её на ланч, бросал на неё долгие страстные взгляды, постоянно старался

прикоснуться к ней. Но у Ким не хватало силы дать ему жёсткий отпор, потому что он ей тоже нравился. Ей казалось — если бы вдруг он оказался с ней в таких же условиях, как тогда Гвидо — она бы, наверное, тоже не устояла. А Гвидо приходил просто в бешенство, видя поведение Марникса. Это в постели он был нежным, а на работе, если он был недоволен, он мог сорваться на крик или ударить кулаком по столу.

Ким знала, что Гвидо ревнует её, и чувствовала себя виноватой. По вечерам, когда они оставались наедине, она частично искупляла свою вину. Она исследовала его тело и узнала, какие именно ласки доставляют ему наибольшее наслаждение; и ласкала его так, что он терял рассудок. Он также видел, что и она теряла рассудок от удовольствия, которое он ей доставлял; и это успокаивало его ревность. У них были фантастические отношения. Это нельзя было назвать просто сексом, это была прекрасная любовь двух красивых тел. Когда их тела соприкасались, их захлёстывала мощная волна желания и возбуждения, и они погружались в океан безумного наслаждения. Они так хорошо узнали тела друг друга; когда они ласкали друг друга, вряд ли они отчётливо осознавали, что именно делают их губы, их руки, их тела; но при этом они делали именно то, что доставляло партнёру наибольшее наслаждение. И они купались, захлёбывались и тонули в этом океане страсти, пока наконец цунами блаженства не выносило их на ласковый берег изнеможения и удовлетворения. Они засыпали, тесно прижавшись друг к другу, её голова лежала у него на плече, а его мощная рука обнимала её хрупкое тело.

Однажды, после очередных приставаний Марникса к Ким, Гвидо жёстко поговорил с ним. Он схватил его за плечо и со всей силы сжал его своей мощной рукой.

— Послушай, она моя женщина. Перестань всё время крутиться около неё, иначе я набью тебе морду.

Но у Марникса тоже был крутой характер. Он сбросил руку Гвидо.

— «Твоя»? Она что — твоя рабыня? Или твоя надувная кукла, которую ты купил? Нет, дружок, ты ошибаешься и заблуждаешься. Она — свободная женщина и имеет право выбора. Если она захочет спать со мной — то она будет спать со мной.

В общем, страсти в этом любовном треугольнике накалялись. Сначала вокруг них стали тихо шептаться, а потом и открыто обсуждать их отношения.

Самое худшее, подходил срок предоставить в головную компанию результаты проделанной работы — а вражда между двумя ключевыми людьми на фабрике, естественно, не добавляла эффективности. Кончилось всё тем, что директору фабрики пришлось поговорить с руководством и попросить, чтобы Ким отстранили от задания и чтобы она больше не появлялась на фабрике. Она вернулась к работе в центральном офисе, и они виделись с Гвидо только по выходным — он приезжал к ней.

Однажды Ким поехала в командировку на другую фабрику на севере Германии — теперь у неё были новые задания. Идя по коридору, она вдруг увидела Марникса и обмерла. По случайному совпадению, он тоже оказался здесь в командировке. Он окинул её таким взглядом, что её кинуло в холодный пот. Она знала, чего он хочет. За ланчем он сказал ей:

— Ким, не надо лгать себе и мне. Ты хочешь этого. Ты всегда хотела, с нашей первой встречи. Она еле сдерживала слёзы — потому что это было почти что правдой.

Её сковало какое-то вялое безволие, как будто Марникс её загипнотизировал. Если бы Гвидо был рядом, он мог бы защитить её; а одна она не могла разобраться в себе, её личность как будто раздвоилась. Она тряслась от стыда и ужаса, что ей придётся изменить Гвидо, она

ненавидела себя за это, и в то же время почему-то не могла сопротивляться. Она пришла в номер, приняла душ, надела свежее бельё и со слезами в глазах стала ждать своей участи. Она открыла дверь на его стук и покорно отдалась Марниксу. Он со всей силы сжал её в объятиях, и страстно впился в её губы, раздвинул их и вставил внутрь язык. Хотя он был не такой мощный, как Гвидо, он был очень сильным. Его рука жёстко, до боли мяла её груди. Он грубо сорвал с неё одежду и повалил на кровать. Он сильно выкручивал пальцами и сосал её соски, покусывая их зубами. Он протянул руку ей между ног и стал сильно нажимать на клитор, потом сразу три пальца вошли в её влагалище. Он широко раздвинул ей ноги и с стал с огромной силой, до самого дна вставляя свой член. Это было совершенно по-другому, нежели с Гвидо. Сначала она лежала как бревно, но потом от его мощного напора она начала постанывать и двигаться ему навстречу. Он вынимал свой член, интенсивно массируя её клитор, и снова вводил его. Ким затряслась от судорожных конвульсий и он глубоко кончил в неё. Всего несколько минут отдыха — и он снова завёлся. Он закинул ноги Ким себе на плечи и она снова почувствовала его сильные толчки, которые сотрясали её тело, потому что с силой ударяли в матку. Вскоре он снова кончил и отпустил Ким. Но среди ночи он разбудил её, поставил на колени и глубоко долбил её, со всей силы теребя её клитор. Утром он снова занимался сексом с ней в душе, прижав её спиной к стене и держа на руках. Это было похоже на настоящее изнасилование, но его грубые, сильные толчки и жёсткий напор на клитор заставляли её кончить каждый раз.

— Ты будешь вспоминать эту ночь. Ты никогда не забудешь её, до самой смерти, — сказал Марникс, выходя из её номера. Ким его почти не слышала. Если бы она только знала тогда, как правдивы окажутся его слова!

Она была совершенно измучена и раздавлена его напором, она никогда не испытывала четырех оргазмов за ночь. У неё болел клитор и ныло влагалище, а её нежные соски были искусаны почти до крови. Она испытывала стыд и унижение, в горле стоял горький комок. Её мысли были совершенно рассеяны, она плохо соображала, что делает.

В этот день она вернулась домой и блаженно заснула в своей кровати, изнеможённая от предыдущей ночи. Утром, достав из косметички свои пилюли, она посмотрела на пачку и обмерла — господи, какой сегодня день? Она кинула испуганный взгляд на электронный календарь. Была пятница, но вчерашняя таблетка за четверг не была выпита. Она забыла вчера принять противозачаточную таблетку. А ведь у неё сейчас самая середина цикла, когда происходит овуляция! Господи, что будет?!

Весь день она была сама не своя; на работе сотрудники кидали на неё удивлённые взгляды — её было просто не узнать. Поздно вечером приехал Гвидо и она со слезами бросилась ему в объятия.

— Гвидо, я вчера забыла принять таблетку! Противозачаточную таблетку!

Он нежно взял её лицо в ладони и стал целовать в заплаканные глаза.

— Ким, милая, но ведь у нас не было секса на этой неделе. Если ты хочешь, до конца цикла я не буду в тебя кончать, а потом ты снова можешь пить таблетки. Но почему же ты плачешь? Ты ведь говорила, что хочешь иметь детей. Я безумно хочу иметь ребенка. Нам уже по 35 лет — уже пора становиться родителями.

Господи, если бы он только знал, что на самом деле произошло на этой неделе!

В эту ночь он был нежен, как никогда. Он осыпал её тело с головы до кончиков пальцев ног сотней поцелуев своими мягкими губами, и его член тоже был так нежен! Он вводил его всего

на несколько сантиметров и двигал медленно-медленно, иногда оставляя введённым без движения, что заставляло её влагилице трепетать от наслаждения. Она знала, что он думает не о собственном удовольствии, а о том, как своими нежными ласками утешить и успокоить её. Он вынул член и кончил на сторону. Слёзы текли по щекам Ким. Господи, Марникс просто хотел её, как похотливый кобель, а Гвидо любит её по-настоящему. Господи, что же она наделала?

Когда у неё была неделя задержки, она сделала тест и зарыдала, увидев положительный результат. Это было субботнее утро, и Гвидо был дома. Он вошел в ванную комнату и увидел её, сидящую на холодном кафельном полу и заливающуюся горькими слезами.

— Боже, Ким, милая, что случилось?

Она протянула ему пластмассовый футляр с двумя яркими красными полосками на индикаторе.

Он подхватил её на руки и нежно отнёс на кровать. Он обхватил ладонями её лицо и стал её целовать.

— Господи, но это же прекрасно! Ким, у нас будет малыш!

Но она сжалась в комок и слёзы продолжали ручьём литься из её глаз.

— Ну почему, почему ты плачешь? Ты боишься? Наверное, для женщин это очень страшно в первый раз...

Он встал, чтобы принести ей стакан воды. Когда он подошёл, она соскользнула с кровати, упала к его ногам и обхватила за колени, припав к ним губами.

— Гвидо, это не твой ребенок. В ту ночь и утро, когда я забыла принять таблетку, я была с Марниксом..

Он поднял её с колен и смотрел ей в глаза. Его глаза покраснели и из них закапали слёзы.

— Ну как же так? Ну как же так? — повторял он.

— Гвидо, я совершила непростительную ошибку, — она рыдала. — Даже если ты когда-нибудь простишь меня, я сама себя никогда не прощу и всегда буду презирать. Я слишком поздно поняла, как сильно я люблю тебя и что ты значишь для меня. Мы должны расстаться и больше никогда не встречаться. Теперь я не могу быть с тобой, я недостойна этого. Нет, я не пойду к Марниксу — я ненавижу этого зверя. И я... я не могу оставить этого ребенка — я не хочу иметь ребёнка от него — я буду прерывать беременность.

Он прижал её к себе и гладил по спине. Потом подхватил на руки и уложил на кровать, а сам сел рядом и гладил по волосам.

— Ким, послушай. Ты не можешь убить маленькое существо, которое живет в тебе. Это же твой ребенок! И совершенно неважно, кто его биологический отец. Я буду его настоящим отцом. Обещаю, я буду любить его и никогда, никогда в жизни не припомню того, что ты сейчас сказала. Ким, я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Она обняла его и прижалась к нему, но ничего не ответила.

Все выходные она была совершенно подавлена и молчала, как ни пытался Гвидо развлечь и успокоить её. Он повёл её в её любимый ресторан — но кусок не лез ей в горло. Они долго гуляли по улицам города и он держал её за руку, и сидели в парке на лавочке прижавшись друг к другу и Гвидо нежно обнимал её и шептал ей на ухо ласковые слова, но она молчала и глаза её были опущены. Вечером, когда они легли спать, Гвидо ласково баюкал её на плече, пока она не забылась беспокойным сном. Ему безумно хотелось её, но он понимал, что ей сейчас не до секса. Когда она заснула довольно крепко, он сел на кровати. Ему было не до сна.

Кулаки его сжались и зубы крепко стиснулись... Ему было нестерпимо больно, грудь просто разрывалась от еле сдерживаемых рыданий. У него не было обиды на Ким, он чувствовал к ней только жалость и нежность, и по-прежнему любил её. Он знал, что она не виновата. А вот Марникс... О, ему хотелось разорвать его в клочья, жестоко избить его до крови, даже убить... Он не мог отогнать сцены, которые возникали в его воображении: как Марникс целует её в губы, дотрагивается до её обнажённой груди, входит в неё... Он пошел на кухню, достал бутылку виски, налил почти целый стакан и залпом выпил его. \

Он сел за кухонный стол, опустил голову на руки и разрыдался. Этот большой и сильный мужчина сидел и плакал от раздиравшей его боли. Он очнулся от тихих шагов. В коротенькой шёлковой сорочке, босяком, дрожа от холода в кухню вошла Ким. Она опустилась перед Гвидо на колени и приложила ладошку к его губам, чтобы он ничего не говорил. Она стянула с него майку и стала нежно целовать ему соски, а потом стала опускаться всё ниже по животу. Её рука скользнула в ширинку его шорт и достала его член. Она взяла его в рот, как самую большую драгоценность, и стала его ласкать. Гвидо откинулся спиной на стену, сидя на табуретке, и раздвинул пошире колени, подпуская Ким ближе. Под действием алкоголя и оттого, что он столько думал о ней сегодня, Гвидо просто улетал от экстаза. Они периодически занимались оральным сексом, но сейчас было что-то особенное. Его руки гладили её по волосам и по плечам. Оргазм был таким сильным и ярким, что ему пришлось закусить губу, чтобы его стон не был слишком громким. Она положила голову ему на колени и тихо сидела рядом с ним несколько минут. Когда его дыхание стало ровным, она взяла его за руку и повела в спальню. Она тесно прижалась к нему и заснула в его объятиях.

В воскресенье вечером, когда ему было пора уезжать домой, Ким на прощание прижалась к его щеке и губами, обняла его и застыла. Она стояла так несколько минут, не отпуская его. Она обнимала его и прижимала к себе немного сильнее, чем обычно; и какое-то смутное тревожное чувство шевельнулось в его груди. Он взял её лицо в ладони и посмотрел в её грустные, покрасневшие от выплаканных слёз глаза.

— Ким, я не хочу оставлять тебя. Может быть, возьмешь неделю отпуска и поедешь со мной?

— Нет, Гвидо, не волнуйся, поезжай. Всё будет хорошо.

— Я буду звонить тебе каждый вечер. А в следующую субботу мы пойдём с тобой покупать обручальные кольца, хорошо?

Он ласково улыбнулся ей, и она ответила ему жалкой, вымучанной улыбкой.

Она вышла проводить его до машины. Он ещё раз поцеловал её и завёл мотор. Ему ужасно не хотелось уезжать. Он поехал и смотрел в зеркало на хрупкую фигурку с опущенными плечами, стоящую на обочине. В один момент, когда он все еще мог видеть её, ему безумно захотелось затормозить и вернуться. Но он должен был кое-что сделать, и он нажал на педаль газа.

В понедельник утром он ворвался в кабинет Марникса, схватил его и вытащил его из кресла. Гвидо был сильнее и тяжелее, и регулярно качался и лупил боксерскую грушу.

— Я сейчас разобью твою паршивую морду, за то, что ты сделал!

— А что я сделал? — ехидно спросил Марникс. — Довёл четыре раза до оргазма женщину, которая хотела этого? Она так стонала от наслаждения подо мной! Я не принуждал её — она сама открыла дверь мне навстречу.

Гвидо со всей силы ударил Марникса по лицу, разбив его в кровь. Они вцепились друг в друга и стали яростно бороться. На шум сбежались сотрудники — в принципе, все догадывались,

что это из-за Ким. Их с трудом удалось разнять, так сильно они вцепились друг в друга. Директор фабрики прикрыл ладонью глаза. Господи, в то время, как идет речь о потенциальном закрытии фабрики и увольнении 600 человек, эти два волка грызутся из-за самки, и это тогда, когда именно от них двоих зависит судьба фабрики!

Вечером Гвидо позвонил Ким, но ни мобильник, ни домашний телефон не отвечали. Он оставил сообщение на автоответчике и послал ей СМС, но к утру так и не получил ответа. Он очень заволновался. Вместо того, чтобы идти на работу, он вскочил в машину и погнал в сторону Амстердама. Он набрал её служебный телефон — она должна была быть на работе. Телефон подняла какая-то девушка и сказала, что Ким ни вчера, ни сегодня на работе не появлялась. Сердце бешено забилося в груди Гвидо. Он вдавил педаль газа до отказа, мощный Мерседес взревел и понёсся со скоростью 250 км в час. Наплевать, если оштрафуют за превышение, пусть хоть права отбирают. Он думал только о Ким.

Он позвонил в дверь, но за дверью была тишина. Он нервно достал связку ключей и открыл дверь. В квартире было темно и холодно — окна были открыты, а занавески опущены. Он вбежал в спальню и страшный крик вырвался у него из груди. В своём самом красивом вечернем платье Ким лежала на кровати в огромной луже крови. Её вены были глубоко изрезаны на обеих руках, тут же лежал большой кухонный нож. На груди алмазной булавкой было приколото прощальное письмо. Рыдая, трясущимися руками он вскрыл конверт и прочитал:

«Гвидо, милый, прости, что я ухожу от тебя. Но я не смогу жить с мыслью, что я тебе изменила и к чему это привело. Ты был единственной любовью в моей жизни. Прощай. Ким» Обливаясь слезами он протянул руку и дотронулся до её совершенно холодного, принявшего сероватый оттенок, лица.

Нет, Ким, ты не уйдёшь от меня. Я пойду за тобой и мы будем вместе. Он закатал рукава и смело, со всей силы полоснул по венам. Он медленно умирал, обнимая её и прижимаясь к ней губами.

Полиция нашла их тела только через 2 недели, поэтому их хоронили в закрытых гробах. На похоронах самым мрачным был Марникс. Он не знал всех подробностей, но был уверен, что причиной их смерти был он.